

Д л я Р у с с к о й А р м и и.

Новый период войны.

Близится момент, когда вторгшийся в наши пределы враг будет вытеснен с русской территории и борьба будет вестись уже на вражеской земле.

Натиск австро-германских полчищ, внесших опустошение и разорение в местность, по которым они проходили, вымещавших свою бесчисленную злобу на мирном, безоружном населении этих местностей, — ныне сломлен нашими доблестными войсками. Враг уходит обратно на всем многоверстном фронте своего наступления, дух его сопротивления поколеблен, в ряды его армий внесено разстройство, и путь его отступления означает груды убитых, тысячами раненых и плененных, устилается масса брошенных снарядов, вооружения и покинута орудию. Как дикаго, затравленного, но все еще огрызавшегося звёря, наши войска гонят врага из родной земли.

Но затравленный и гонимый звёрь еще не уничтожен и на своей земле, в привычной для себя обстановке он, несомненно, попытается дать нам отпор. Это будет, конечно, последний отпор, но он будет упорный, отчаянный, свирепый, как бываешь упорной, свирепой и отчаянной последняя вспышка жизненной энергии агонизирующего дикаго звёря. Все условия местности, все преимущества заранее подготовленной обстановки будут использованы.

Это, быть может, усугубит для нас тяжесть и трудность решительной победы над врагом, но не предотвратит этой победы. Над рядами наших войск рвет лучезарное сияние недавних бранных успехов, над вражескими рядами колеблется сбра мгла непрестанных поражений, упадка духа, сомнения в своих силах. При таких условиях, может ли быть сомнение в конечном исходе великой борьбы?

ВОЙНА.

Штаб Верховного Главнокомандующего сообщает, что бой в Восточной Пруссии продолжается. Наши войска овладели Гольдхамом, прусской узловой станцией на пути к Инстербургу, а также продвинулись вперед на Млавском направлении.

За Восток германцы отошли от Блодава к Непаву, вблизи Александрополя, и от Конна на Салуну (у самой границы).

На путях к Кракову наши войска продолжают теснить неприятеля. 24 и 25-го октября, появившись у кавказского побережья Черного моря, турецкие легкие крейсера бомбардировали Потти.

Штаб кавказской армии сообщает об энергичной атаке турок на Кеприсеюльскую позицию. Атака отбита.

Официальное сообщение с французского театра войны передает, что германцы самым деятельным образом произвели атаку на западных союзников в район Ипра, но не выйдя успешно. Французские войска принуждены выдвинуться на р. Эль, в северо-восточную от Суассона. Наступление фронт без перемены. Союзники, по боевой связи сообщают, вновь заняли предместие урбанизации Нюпорт. Германцы усиленно бомбардируют Дикемпел, а также Армантьер.

Мысли и впечатления.

С.Ш.

Есть из-за чего воевать. Теперь уже не подлежит никакому сомнению, что германцы и Энвер-паша совершили нападение на Россию без ведома турецкого правительства, поставив «блестящую» Порту перед совершенным фактом. Для Германии, которая неужели не приближается к бездну, необходимо было во что бы то ни стало втянуть Турцию в войну, и расчеты отвечают главному театру войны несколько русских и английских корпусов. И так как Германия сумела заставить Австрию воевать с Россией, то уже давно ясно было, что и Турция она сумеет втянуть в войну. Со дня назначения германского адмирала Бупона командиром турецкого флота стало ясно, что Турция «оборвана». Видно надо иметь в виду, что это за государство: это не государство в правовом смысле, а какое-то недоразумение. Управляющие им разные проходимцы. Никакие договоры и нормы международного

права для Турции не имеют значения. Сегодня Турция командуют одни паша и заключают известные договоры, а завтра другие паша и бен убивают их или разскачивают по тюрьмам и, захватив власть в свои руки, объявляют эти договоры недействительными. И Европа, раздвигая соперничеством, все это без конца терпит. Нынче, однако, в Турцию воцарился «твердый» влады германцев. Во главе турецких армий и флота стоят германцы. При них состоит Энвер-паша и несколько других младоканов. И вот Германия бросила Турцию в пучину зажженного ею пожара.

Еще в самом начале войны один писатель осведомленный деятель говорил мне в Петроград, что войска мадьяр теперь никак не могут на европейской бирже: достаточно, мол, 10 миллионов рублей, и Энвер-паша с Ко будут падевшими сторонами России. Но возникли серьезные вопросы: стоило ли это делать? Нынешняя европейская война перекроит всю карту Европы. Ценой тяжелых жертв мы получаем возможность разбить все войсковые вопросы нашей внешней политики. А в чьей власти вопросы на первом месте стоят галицийский и босфорский. Что касается галицийского вопроса, то он уже в сущности разрешен. Гораздо труднее решить вопрос о проливах и Царьграде. Россия стремится к проливам уже вторую тысячу лет. Но в последние века и десятилетия туда же устремились Австрия, Германия и Англия. Наконец, в недавнее время с притязаниями на Царьград выступила Болгария. Вопрос так запутался и стал столь трудным, что к нему и приступать нельзя было. Давно считается политической аксиомой, что вопрос о проливах и Царьграде может быть разрешен только европейской войной. До тех пор, пока в великой, катастрофической, схватке не столкнутся европейские державы, Турция может быть спокойна за свое существование. Но вот грянула и долго готовившаяся европейская война. Положение резко изменилось. Однако, что бы мы могли сделать с Турцией и с оставшимися в ее власти проливами, если бы она сидела мирно и сохраняла нейтральное положение? Разоблачить, подобно Германии, и нападать на соседней без всякого из их стороны повода, мы не можем. В том же Англия и Франция предлагают Турции гарантировать неприкосновенность ее владыки, если она останется строго нейтральной.

Из сказанного ясно, что не в наших интересах было препятствовать намечавшемуся ходу событий: хотеть Турцию воевать, — нулевой вариант; рвать мадьярскую добычу империи полумесяца, — нулевой вариант. Выступление Турции только развивало нам руки.

Это выступление ничуть не отяготило нашего положения: развивавшаяся Турция — это очень слабый, почти незаметный привесок к тому, что мы уже имеем перед собой. Разгром двух империй средней Европы повелит к тому, что Турция автоматически, так сказать, вынуждена будет приклониться к нам и раздвинется. И мы должны радоваться, что Турция своим безумным нападением на наше черноморское побережье дала нам право развить ее. В Европу и в широкие круги нашего общества существовало мифы, что выступление Турции заставит нас отступить от черноморского побережья, что это главный театр войны в Закавказье. Действительность басетные опровергает эти опасения: нападение турок-германцев на наши черноморские порты произошло как раз во время разгара генеральной борьбы на восточном фронте, накануне перенесения этой борьбы из Приливицкого края в Синай, однако, мы на нападение это отреагировали немедленно и стремительным наступлением в пределы Евразийского владычества. Из этого ясно, что мы в Закавказье располагаем силами, достаточными для борьбы с Турцией. Опасения же, что Турция может приклониться к Энверу войска из других областей своих, несостоятельны, ибо, как мы уже приходилось отметить, от нашей границы до ближайшей станции турецких железных дорог — около 800 верст. Если при этом принять во внимание, что дороги в этом крае — горные, то окажется, что Турция в смысле обслуживания ее баз для борьбы с нами путем сообщения находится в первобытных условиях. Мы же имеем одну желанную дорогу близ границы (Саракамыш, восток Барса), а другую — на самой границе (Джулфа). Что же касается морской перевозки, то Черный море Турция не владает. В военную печаль в последние годы много говорилось о турецком плавном обходе (на направлении на Джулфу) лавного флота нашего заливского стратегического флота. Но можно ли серьезно говорить о союзных и больших маневрах и обходах армий, которая должна проходить огромные расстояния пешком и подвозить к себе боевые припасы гужевыми дорогами на 800 верст? Видно, мы можем позволить себе войска даже из Москвы скорее, чем турки домаршируют по горам и обрывают турскую армию. Впрочем, теперь ни о каких обходах не может быть и речи: мы сразу заняли инициативу в свои руки и повели наступление широким фронтом. Теперь турки все свои силы должны будут направить на оборону подступов к Эрзеруму.

Турция проделала свой смертный приговор. Отныне перед нами стоит высшая и лучезарно-величественная цель. Отныне мы можем сказать: нам есть из-за чего воевать, есть ради чего напрячь все наши силы. Никогда еще за 1,000 лет русской истории не было так близко от великой цели, поставленной нами самой историей. Англия больше не будет препятствовать овладению нами Босфором, ибо она — наша союзница и вместе с нами борется с страшной тиранией германства. А Германия и Австрия не могут больше противостоять нам: мы продвинулись к миру, какой хотим.

А. Савенко.

Счастливые дни.

Государь Император уехал, пробыл в Минске 3 часа. И за это короткое время сколько восторгов и восторга в сердцах миллионов, сколько радости и счастья дано им, возможности лицезреть обожаемого Монарха.

Каждый с волнением ждал приезда Царя, всех поммы и стремлений слезы в одно яркое чувство преданности Царю.

То и дало слышится восторженный шепот:

— Как увижу Царя — не выдержу, разрыдаюсь от счастья!

И не один газза уважались слезами радости.

Но, вот, святой колокольный звон повестил о приближении к собору Государя Императора.

Вдверь храма ворвалось с улицы море «ура» тысячной толпы народа, заурывавшей сквер и Соборную площадь.

В храм наступила непередаваемая напряженная тишина, нарушенная приветственной речью владыки Митрофана.

Еще несколько секунд — и Он среди нас, неизменно счастливых людей.

Можно ли описать ту гордость, которую испытывал каждый, стоявший в соборе близкое Государя места?

Славы давили горы, на глаза навернулись слезы радости.

И одна мысль только и шевелилась в мозгу:

— Я вижу своего Царя, вот Он, близко, близко, близко!

Вот Государь приложился ко Святому Кресту... Вот направился к чудотворной иконе Казанской Божией Матери.

Идет Великий Царь между разступившимися людьми и ласковым, ласковым взором обводит так сильно любящих Его и преданных Ему до последнего дыхания людей.

Православный русский Царь истово три раза поклонился чудотворной иконе, три раза становился на колени...

Вздох, доброе слово Государя покрыло румянцем, Он встал с колен, еще раз обвел взором детей своих и направился к выходу.

Мимолетное счастье кончилось, но поминать оно будет на всю жизнь, никогда не забудется и будет светиться ярким лучом во все последующие дни нашей жизни.

Государь поехал в лазарет в дом губернатора.

И сюда выехали с Ним владыка воз на счастье, выехали вези сухих.

Здесь Государь первым делом посетил раненых солдатиков.

Разспрашивая их, откуда они родом, в каком полку служат, в каких дивизиях участвовали, где ранены.

И солдаты, обремененные ласковой улыбкой Монарха, с жаром рассказывали эпизоды боя.

Никто не удерживал и забывал боль и немощь, приветствия, наглядным жестом стараясь показать, как они козлят штыком, как стреляли на неприятеля.

— Лежи, лежи! Говорил Монарх, удерживаясь рассказчику, и ласково, сердечно, ему улыбался.

Одного солдата, картинно рассказывавшего обо атаке неприятеля, заставшего в окопах, Государь Император остановил вопросом:

— Что-ж! Достигли окопов?

— Так точно, Ваше Императорское Величество! Мы их взяли!

И ласково Государь улыбнулся, довольный простотой и энергичным выражением солдата.

Раненые офицеры тоже были удостоены счастья отвечать на милостивые вопросы Государя Императора.

Для каждого Он наметил ласково слово, ласково обвел и в каждого кивнул новой силой на подвиги и на борьбу с врагом.

И не только ранеными интересовался Великий Вожь русский армии.

Его Величество подробно расспрашивал врачей о ходе боёв, интересовался складом белья, инструментами, лечебными приспособлениями и пищей.

Все виденное и слышанное произвело на Государя Императора самое лучшее впечатление и Его Величество выразил свое удовольствие, поблагодарив почтительным поклоном А. А. Гирса за прекрасное и безупречное состояние лазарета.

(«Св. Зв. Жизнь»).

Раненые.

В «Рус. Сл.» помещены впечатлительные рассказы о раненых.

«А вот несут и первого тяжело раненого на носилках».

— У вас для тяжелых?

— У нас.

— Принимайте. Офицер.

Ставшие послами у широкой открытой двери санитара. На них под голубым атласным, должно быть, «состоятельным» одеялом, глубоко дыша с закрытыми глазами лежит молодой человек и кажется, что крепко спит, не слышит, как и куда приносят его. Лицо его нездорово обращает на себя внимание.

Это — замечательный красавец: тонкий, словно выглаженный черт, смугловатый, пыльная кожа, коротко подстриженные усы, тонкий, красивый, гордо изогнутый, криво смалый губы. Когда отвернул одеяло, обнаружилась ли растегнутой тонкой рубашки, ласкаясь кривая, могучая грудь; он и сложил был прекрасен, а теперь, бледный, измученный, он обанчал в нем благодарную пору.

В сущности раненому подосла на ма сестра, осматривала его забинтованную голову и шею, пощупала пульс.

— Он без сознания, — сказала она, — пульс слабый!.. Позовите Анну Павловну, добавила сестра, обращаясь к

женщины склонились над раненым, о чем-то совещаясь.

— Надо сделать инъекцию, — послышалось мне.

Тут привели сразу несколько тяжело раненых.

В вагон началась паника, пернивание посылки-санитаров, возни раненых. Ад. Мит приходилось принимать раненых по одному, то в другом, то в другом вагоне, иногда брать за нос, вытаскивая раненых из фур, веревкой привязывая их к станин, и носить раненых к вагонам.

Когда я загнул опять в первый вагон, офицер умирал на руках врача и сестры.

На прекрасное лицо его уже ложилась тень, полуоткрытые глаза стеклись, хриплое дыхание замирало, края его усов слегка обвисли кровью.

— Ах, сказал, появившийся откуда-то офицер, кажется, это должен быть оп: офицер драгунского полка, ранен в шею павилье, и этой же павилье убит его денщик...

— У этого забинтована голова! — возразил я.

— Сестра, осмотри!

Сестра наклонилась над умершим и слегка отогнула повязку.

— Рана в шею! — сказала она.

Офицер снял фуражку и перекрестился.

— Вечная память!

Ах... лежал на полу товарного вагона, на низкой койке, покрытой своим голубым одеялом. Он, и мертвый, уже оставшийся, с полуоткрытыми потными глазами, все еще был трагически хорош собой...

Вильгельм под Варшавой.

Корреспондент «Рос. Сл.» пишет из Варшавы:

Офицеры, раненые под Варшавой, передают о пребывании Вильгельма среди своих войск, подступающих к Варшаве.

Главной целью пребывания Вильгельма было поднятие духа германских войск и личное руководство некоторыми операциями их.

Пребывание Вильгельма обнаружено было даже в местечке Бонне, в этом крайнем пункте, до которого дошли немецкие войска.

Когда было получено из германских войска сообщение, что перед Варшавой стоит стая отборных русских войск и в то же время на левый фланг их войск вынужден корпус конницы, сразу ставший причиной страшной потери и угрозы, если не совсем, то сильно истощит и привести в безпорядок все сообщение с тылом германских войск, послания сразу дрогнули; ни личные убеждения Вильгельма, ни угрозы офицеров уже не могли поднять упавшего духа войск.

И действительно, как потом оказалось, могущее наступление русских войск заставило отойти шаг за шагом немецкие войска.

Первое отступление немцев было неожиданно даже для самого Вильгельма.

Он был почти что на передовых позициях.

Быстрое отступление войск не дало ему возможности сразу уехать в более безопасное место и был тот момент, что он со своим штабом был почти окружен нашей конницей.

Спас его, как передают, один из местных помещиков-колонистов, который, зная величайшую местность, провел в свой штаб с Вильгельмом в район безопасный, где находились германские войска.

Трехчасовое все время пребывания в лагере, что несколько раз выдвигал самого Вильгельма с штабом и много раз был близок к тому, чтобы его захватили в плен.

Возможность такого захвата Вильгельма глубоко вярять в нас солдат; это убеждение дасть много комических картин.

Нужно заметить, что германские офицеры поражаются во всем своему казену и главным образом в поведении усов; эти то усы и являются для наших солдат почти единственным критерием к определению личности Вильгельма. Стоять только оказалось в каком-нибудь даже развешенном отряде германскому офицеру с усами Вильгельма, как за ним организуются форменная погоня всего отряда русских, и такие офицеры или убиваются или захватываются живыми, но никому образом не уходят из рук русских. Очень много таких «Вильгельмов» представлено нашими отрядами в полном убеждении, что это настоящий Вильгельм.

В Севастополе.

Градоначальник контр-адмирал Бурлаев опубликовал следующий приказ:

«Военные события развиваются с такой быстротой и неожиданностью, что каждый момент можно ожидать появления неприятеля и бомбардировки города.

Обычная обстановка населения градоначальства, я прошу не возмущаться, сохранять полный порядок и спокойствие.

Не так страшны неприятельские бомбы, как паника, посеянная в обществе и нарушении мирного течения жизни.

От бомб убавить нельзя, но спрятаться можно.

Не следует собираться толпами, душе всего время оставаться в домах и продолжать заниматься мирными трудами.

Особенно прошу женщин, детей, слабых и старых, вообще всех, кто не может помочь чем-нибудь при тушении пожаров, ни при уборке раненых ни убитых, не выходить без нужды из домов, не распространять слухов, вызывая тревожного характера, не проявлять особого любопытства.

Все это будет представлять законным и всеми и все в особенности строго должны подчиняться требованиям полицейских и военных чинов, помня, что все эти требования направлены к поддержке

жизни порядка и охранению безопасности жителей.

Вместе с тем, я напоминаю, что никто из служащих, занимающих административную должность, не должен от высших чинов до самых низших, до дворников и сторожей, не иметь права оставлять свою службу или прекращать свою работу.

Жителям, желающим теперь же по избавлению опасности и безопасности выехать, предоставляется возможность немедленного и безплатного выезда по желательной дороге до ближайшего пункта выезда крестов.

Выезд из Севастополя ограничивается случаями действительной и крайней необходимости и разрешается только лицам, являющимся по служебной или торговой необходимости по делам от меня».

Вот почему, добавляет австрийский офицер «Reichspost», — павилье войска приходит к усталости от сражения, что бы возобновить его впоследствии при благоприятных условиях. В этом смысле надо видеть такой же внутренний смысл, как, например, в столь плавном и богатой последствием концентрации немецких войск на западном фронте.

Корреспондент «Рус. Сл.» получил из Берлина от известного журналиста Клейнова письмо, своего рода характеристику того гитизма, под которым находится немецкий фронт.

«Наступление русских, перешедших превосходными силами Вислу, и отступление Гинденбурга, вызвавшие восторг русской печати, нельзя поставить на страницу дебета в нашем счету. Гинденбург прекрасно знает, за что он уступил русским на левую сторону Вислы».

В Берлине, тем не менее, начинают беспокоиться, будет ли в состоянии генерал Гинденбург удерживать за собой позицию на р. Варт. В Берлине пролился слух о том, что Гинденбург, по категорическому требованию Гинденбурга, было принято решение все с лево-нибуэ свести резервы отступить на восточный фронт. Император, который прежде хотел в то чтобы то не стало прорвать позицию у Ипра и овладеть побережьем, в конце концов, должен был сдаться и согласиться на отступление с западного фронта на восточный немецкий фронт.

В Берлине, тем не менее, начинают беспокоиться, будет ли в состоянии генерал Гинденбург удерживать за собой позицию на р. Варт. В Берлине пролился слух о том, что Гинденбург, по категорическому требованию Гинденбурга, было принято решение все с лево-нибуэ свести резервы отступить на восточный фронт. Император, который прежде хотел в то чтобы то не стало прорвать позицию у Ипра и овладеть побережьем, в конце концов, должен был сдаться и согласиться на отступление с западного фронта на восточный немецкий фронт.

В Берлине, тем не менее, начинают беспокоиться, будет ли в состоянии генерал Гинденбург удерживать за собой позицию на р. Варт. В Берлине пролился слух о том, что Гинденбург, по категорическому требованию Гинденбурга, было принято решение все с лево-нибуэ свести резервы отступить на восточный фронт. Император, который прежде хотел в то чтобы то не стало прорвать позицию у Ипра и овладеть побережьем, в конце концов, должен был сдаться и согласиться на отступление с западного фронта на восточный немецкий фронт.

В Берлине, тем не менее, начинают беспокоиться, будет ли в состоянии генерал Гинденбург удерживать за собой позицию на р. Варт. В Берлине пролился слух о том, что Гинденбург, по категорическому требованию Гинденбурга, было принято решение все с лево-нибуэ свести резервы отступить на восточный фронт. Император, который прежде хотел в то чтобы то не стало прорвать позицию у Ипра и овладеть побережьем, в конце концов, должен был сдаться и согласиться на отступление с западного фронта на восточный немецкий фронт.

В Берлине, тем не менее, начинают беспокоиться, будет ли в состоянии генерал Гинденбург удерживать за собой позицию на р. Варт. В Берлине пролился слух о том, что Гинденбург, по категорическому требованию Гинденбурга, было принято решение все с лево-нибуэ свести резервы отступить на восточный фронт. Император, который прежде хотел в то чтобы то не стало прорвать позицию у Ипра и овладеть побережьем, в конце концов, должен был сдаться и согласиться на отступление с западного фронта на восточный немецкий фронт.

В Берлине, тем не менее, начинают беспокоиться, будет ли в состоянии генерал Гинденбург удерживать за собой позицию на р. Варт. В Берлине пролился слух о том, что Гинденбург, по категорическому требованию Гинденбурга, было принято решение все с лево-нибуэ свести резервы отступить на восточный фронт. Император, который прежде хотел в то чтобы то не стало прорвать позицию у Ипра и овладеть побережьем, в конце концов, должен был сдаться и согласиться на отступление с западного фронта на восточный немецкий фронт.

В Берлине, тем не менее, начинают беспокоиться, будет ли в состоянии генерал Гинденбург удерживать за собой позицию на р. Варт. В Берлине пролился слух о том, что Гинденбург, по категорическому требованию Гинденбурга, было принято решение все с лево-нибуэ свести резервы отступить на восточный фронт. Император, который прежде хотел в то чтобы то не стало прорвать позицию у Ипра и овладеть побережьем, в конце концов, должен был сдаться и согласиться на отступление с западного фронта на восточный немецкий фронт.

В Берлине, тем не менее, начинают беспокоиться, будет ли в состоянии генерал Гинденбург удерживать за собой позицию на р. Варт. В Берлине пролился слух о том, что Гинденбург, по категорическому требованию Гинденбурга, было принято решение все с лево-нибуэ свести резервы отступить на восточный фронт. Император, который прежде хотел в то чтобы то не стало прорвать позицию у Ипра и овладеть побережьем, в конце концов, должен был сдаться и согласиться на отступление с западного фронта на восточный немецкий фронт.

В Берлине, тем не менее, начинают беспокоиться, будет ли в состоянии генерал Гинденбург удерживать за собой позицию на р. Варт. В Берлине пролился слух о том, что Гинденбург, по категорическому требованию Гинденбурга, было принято решение все с лево-нибуэ свести резервы отступить на восточный фронт. Император, который прежде хотел в то чтобы то не стало прорвать позицию у Ипра и овладеть побережьем, в конце концов, должен был сдаться и согласиться на отступление с западного фронта на восточный немецкий фронт.

В Берлине, тем не менее, начинают беспокоиться, будет ли в состоянии генерал Гинденбург удерживать за собой позицию на р. Варт. В Берлине пролился слух о том, что Гинденбург, по категорическому требованию Гинденбурга, было принято решение все с лево-нибуэ свести резервы отступить на восточный фронт. Император, который прежде хотел в то чтобы то не стало прорвать позицию у Ипра и овладеть побережьем, в конце концов, должен был сдаться и согласиться на отступление с западного фронта на восточный немецкий фронт.

В Берлине, тем не менее, начинают беспокоиться, будет ли в состоянии генерал Гинденбург удерживать за собой позицию на р. Варт. В Берлине пролился слух о том, что Гинденбург, по категорическому требованию Гинденбурга, было принято решение все с лево-нибуэ свести резервы отступить на восточный фронт. Император, который прежде хотел в то чтобы то не стало прорвать позицию у Ипра и овладеть побережьем, в конце концов, должен был сдаться и согласиться на отступление с западного фронта на восточный немецкий фронт.

В Берлине, тем не менее, начинают беспокоиться, будет ли в состоянии генерал Гинденбург удерживать за собой позицию на р. Варт. В Берлине пролился слух о том, что Гинденбург, по категорическому требованию Гинденбурга, было принято решение все с лево-нибуэ свести резервы отступить на восточный фронт. Император, который прежде хотел в то чтобы то не стало прорвать позицию у Ипра и овладеть побережьем, в конце концов, должен был сдаться и согласиться на отступление с западного фронта на восточный немецкий фронт.

В Берлине, тем не менее, начинают беспокоиться, будет ли в состоянии генерал Гинденбург удерживать за собой позицию на р. Варт. В Берлине пролился слух о том, что Гинденбург, по категорическому требованию Гинденбурга, было принято решение все с лево-нибуэ свести резервы отступить на восточный фронт. Император, который прежде хотел в то чтобы то не стало прорвать позицию у Ипра и овладеть побережьем, в конце концов, должен был сдаться и согласиться на отступление с западного фронта на восточный немецкий фронт.

В Берлине, тем не менее, начинают беспокоиться, будет ли в состоянии генерал Гинденбург удерживать за собой позицию на р. Варт. В Берлине пролился слух о том, что Гинденбург, по категорическому требованию Гинденбурга, было принято решение все с лево-нибуэ свести резервы отступить на восточный фронт. Император, который прежде хотел в то чтобы то не стало прорвать позицию у Ипра и овладеть побережьем, в конце концов, должен был сдаться и согласиться на отступление с западного фронта на восточный немецкий фронт.

В Берлине, тем не менее, начинают беспокоиться, будет ли в состоянии генерал Гинденбург удерживать за собой позицию на р. Варт. В Берлине пролился слух о том, что Гинденбург, по категорическому требованию Гинденбурга, было принято решение все с лево-нибуэ свести резервы отступить на восточный фронт. Император, который прежде хотел в то чтобы то не стало прорвать позицию у Ипра и овладеть побережьем, в конце концов, должен был сдаться и согласиться на отступление с западного фронта на восточный немецкий фронт.

